

Питулько В. В.

**Заметки по поводу статьи Я. А. Шера
«Возродится ли в России археологическое образование?»
(РАЕ 2011, № 1)**

Вопрос, вынесенный Я. А. Шером в заголовок статьи, не может не волновать любого, кто профессионально занимается археологическими исследованиями в России. Я не мог не откликнуться на эту публикацию. Фактически, это крик души одного из моих учителей, дожившего до преклонных лет и имеющего печальную возможность наблюдать полное крушение и без того отнюдь не благополучной системы подготовки археологических научных кадров и использования их потенциала. Каждый из нас, несомненно, неоднократно задумывался над теми проблемами, которые Яков Абрамович поднимает в своем письме, и не раз обсуждал их с коллегами, но, к сожалению, это мало помогает делу. И ответ на заданный Я. А. Шером вопрос в самой краткой форме может быть сформулирован исключительно отрицательный — «нет, не возродится». Жизненный опыт учит нас тому, что ничто из того, что в нашем Отечестве было разрушено, не возродилось. Дай бог, чтобы хоть само-то оно уцелело.

Я. А. Шером затронут большой пласт болезненных проблем, общих для всей системы образования в нашей стране — от школьного до высшего. Качество того и другого неуклонно снижается, на что не так давно, в бытность свою Президентом РФ (весна 2011 г.), обратил внимание Д. А. Медведев. Впрочем, о том, что грядет время троечников, можно было догадаться еще лет десять назад.

Виноваты в этом не столько реформаторы во главе с А. А. Фурсенко, недавно замененным Д. В. Ливановым, и пресловутый Болонский процесс (безусловно ухудшающий остатки системы образования в России), сколько «лихие девяностые», в течение которых произошло катастрофическое снижение качества преподавания в результате вымывания из преподавательской среды сложившихся специалистов высокого уровня либо людей, обладающих достаточным потенциалом и знаниями для того, чтобы его достичь. Столь же катастрофичным стало в тот период снижение авторитета профессии, и именно тогда появился глумливый термин «ботаник» — как собирательный образ ученого

человека. Это весьма нехороший симптом, поскольку общество, глумящееся над своими учеными, перспективы имеет весьма туманные. Обе катастрофы, отмеченные выше, имеют единый корень — финансовую составляющую. Низкооплачиваемая работа не престижна, по этой причине и уважения к ней в современном российском обществе ждать не приходится.

Впрочем, дело, конечно, не только в тривиальной зарплате (хотя и в ней тоже — современный социальный стандарт ушел далеко вперед от своего позднего советского аналога), но и в средствах на проведение исследований, без которых невозможно ни проводить их, ни вырастить полноценного специалиста. Изначальное качество вузовского образования исключительно важно, но его недостатки могут быть в той или иной мере компенсированы на начальных этапах профессиональной деятельности — главным образом за счет самообразования, обретения опыта практической деятельности, контакта со старшими коллегами. В любой научной области или производственной сфере на формирование полноценного специалиста из выпускника вуза уходит примерно десять лет. Смешно говорить о том, что, например, археологии можно научиться по учебнику (полностью разделяю эту мысль Я. А. Шера). Вообще ничему нельзя научиться, прочитав учебник и сдав на «отлично» экзамен — даже вождение автомобиля требует обретения практических навыков, а ведь это — одно из простейших умений.

Реформаторская деятельность в области науки направлена на замену академической науки университетской, по принципу «как у всех». Никем, однако, не доказано, что академическая наука хуже университетской — это просто другой способ ее организации, и он в целом эффективно работал в СССР. К тому же «у всех», помимо университетов, имеются также профильные национальные исследовательские центры, во многом аналогичные учреждениям РАН, и многое другое. Но самое главное — университетская наука «у всех» должным образом финансируется, что включает в себя приемлемую, с точки зрения социального стандарта, зарплату, отсутствие запредельных объемов почасовой нагрузки, начисто удаляющих желание (и возможность) что-то сделать в научном плане, наконец, наличие грантов на исследования (не путать с кредитами на образование, которые тоже есть), получаемых студентами, благодаря чему отчасти финансируется учебный процесс (например, в части проведения полевой практики, лабораторных исследований и т. д.). Ни один из отечественных реформаторов науки об этих опциях ни разу не вспоминал.

Вернемся, однако, к археологии. Ее судьба весьма незавидна даже на общем неблагоприятном фоне. И дело здесь не только в деньгах или в утрате авторитета. В обществе о нашей работе принято судить в основном по поискам джентльменами удачи шлема Александра Македонского и по похождениям Индианы Джонса, т. е. отношение к ней вполне юмористическое. Нам, однако, не до шуток — мы, как справедливо пишет Я. А. Шер, люди с полулегальной специализацией, занятые в большинстве своем малопонятными посторонним проблемами, требующие денег для обеспечения этого процесса. И нас, даже для урезанной России, очень мало. По прикидкам Якова Абрамовича, на данный момент это примерно 800 активно работающих специалистов, может быть, около одной тысячи человек.

Много это или мало? Все относительно. В Великобритании, как довелось недавно узнать из телефильма об археологических исследованиях на Британских о-вах, рынок труда для археологов имеет емкость около 10 000 позиций. Данный факт не требует комментария — работа археолога востребована обществом и государством. Десятилетия назад, как пишет Я. А. Шер, П. Н. Третьяков с тоской подсчитывал плотность археологов на квадратный километр территории после поездки в Чехословакию, а С. В. Киселёв и Б. Б. Пиотровский поражались количеству археологов, соответственно, в Китае и Египте пятидесятых — шестидесятых годов. В нашей стране при всем изобилии и многообразии культурно-исторических ресурсов, профессиональных позиций всегда было мало, а путь к найму в профессиональном качестве всегда был нелегким и прихотливым.

В эпоху реализации в советское время масштабных строительных проектов эта ситуация отчасти компенсировалась условиями временного найма на период осуществления того или иного проекта, однако это вело, на мой взгляд, только к формированию скрытой профессиональной безработицы. Не могло быть и речи о сохранении кадров на длительной основе, поскольку любые идеи о расширении списочного состава существующих профильных организаций или создании новых наткнулись на слова о том, что «стране не до ваших черепков» в связи с индустриализацией, послевоенным восстановлением народного хозяйства, освоением космоса и пр. На самом же деле причина гораздо глубже — в стране никогда не было внятной политики в области сохранения и изучения культурного наследия, никто не пытался определить ее цели, задачи, потребный штат, объем требуемых финансовых вложений. Декларации — были, конкретика — отсутствовала. Она и до сих пор отсутствует, поскольку Федеральный закон № 73-ФЗ является, по сути дела, декларацией, а не реально работающим инструментом.

У каждого явления существует причина. Причиной данного положения дел, унаследованного современной Россией от своего политического предшественника — СССР, является отсутствие на управленческом и идеологическом уровне осознания преемственности по отношению к прошлому. Для подавляющего большинства управленцев и идеологов история страны начиналась с октября 1917 г. Плоды этой ментальности мы пожинаем по сию пору.

Из сложившейся в последние двадцать лет обстановки реформаторства как самоцели можно было бы извлечь определенную пользу, однако это невозможно без наличия внятной государственной политики как в области изучения и сохранения культурного наследия народов России, так и в области высшего образования. Археологии теперь учат где угодно и, как справедливо отмечено в статье Я. А. Шера, вследствие этого упал и уровень исследований, в том числе полевых, и уровень кандидатских и докторских диссертаций по нашей специальности. Это видно невооруженным глазом и касается не только нашей области знания: аналогичным образом развиваются события в геологии, географии и других смежных науках.

Прежде чем говорить о том, как именно учить археологии, следует попытаться понять, что она такое. Согласно расхожему афоризму, археология — это «история, вооруженная лопатой». Это верно, но лишь отчасти — для микроскопического участка шкалы геологического времени, на которую нанизаны

события и сохранные в письменной форме сведения о них, от времен Древнего Царства до наших дней. Это тот отрезок времени, на котором области археологической и исторической науки перекрываются и применительно к которому археология может в каком-то смысле рассматриваться как вспомогательная археологическая дисциплина. Но на самом деле — это отдельная наука, добывающая факты, которые служат, в том числе, историческим источником.

В исторические дисциплины и на исторические факультеты в учебном плане археология попала уже после 1917 г., точнее, как пишет Я. А. Шер, в 1949 г., после закрытия отделений археологии в университетах. Как считалось, так оно будет лучше для изучения истории доклассового общества. В период обучения на кафедре археологии исторического факультета ЛГУ им. А. А. Жданова я, по молодости, поначалу не очень задумывался о том, каким образом наша кафедра оказалась на историческом факультете, а к пятому курсу понял, что бессилён это понять. Для понимания потребовалось некоторое время и определенные изменения в судьбе нашей Родины.

Фактически, закрытие специальности «археология» способствовало номинальному увеличению числа специалистов, подготовленных по специальности «преподаватель истории и обществоведения». Именно эта специальность указана в моем дипломе о высшем образовании, так же как и в дипломах моих старших и младших коллег. Мы, согласно диплому, учителя. Это, бесспорно, нужная специальность, однако в плане нашей дальнейшей профессиональной деятельности как археологов — превращает нас в самоучек.

Собственно, и вся деятельность по изучению и сохранению культурного наследия страны происходит де-факто на общественных началах (сказать «на любительском уровне» не поворачивается язык, поскольку в нее вовлечены профессионалы-археологи высокой пробы), при минимальном участии государства, вносящего вклад в виде дотаций на содержание профильных учреждений, но от полномасштабного участия в решении комплекса проблем последовательно (десятилетиями) уклоняющегося. Отсюда и следствие — стране нужны преподаватели истории и обществоведения, но не нужны археологи, которые могли бы эффективно трудиться в структурах, связанных с охраной и изучением археологического наследия России. Видимо, кто-то не может или не хочет понять, что оно не исчерпывается Московским Кремлем, его музеем и Грановитой палатой, но включает в себя и памятники промышленного освоения пространств нашей Родины, и фортификационные сооружения, и поля сражений Первой мировой и Великой Отечественной войн, и иные древности различных времен и народов. Содержание структур, ответственных за их сохранение и изучение, стоит денег, так же как и непосредственные мероприятия, составляющие суть этого процесса — полевые работы, реставрация, охрана. И это та самая причина, по которой у государства — согласно закону № 73-ФЗ, фактического юридического собственника всех этих объектов, древних и не очень — нет заинтересованности в решении комплекса проблем, связанных с изучением и сохранением археологического наследия народов России.

До 1917 г. археология изучалась в университетах Москвы и Санкт-Петербурга на нескольких кафедрах и факультетах, а также в Московском и Петербургском археологических институтах, которые были чем-то вроде современных институтов повышения квалификации, как пишет Я. А. Шер. Далее он подчеркивает,

что, согласно концепции обучения, придавалось большое значение специализации археолога — «первобытник» должен был быть подкован в геологии и иных естественных науках (естественной истории), специалист по древностям письменного периода — обладать соответствующими историческими знаниями, знать языки и т. д. Очевидная разница между двумя главными направлениями археологической науки не позволяет вырастить универсала, в равной мере способного к работе как с классическими древностями, так и с объектами каменного века. Раскопать любой объект, при надлежащих знаниях и опыте, такой человек сможет, это лишь вопрос полевой квалификации, а полноценно обработать результаты — нет.

Поскольку необходимость в изучении «доклассового общества» отпала, вероятно, имеет смысл вернуться к образовательной модели, успешно функционировавшей в нашей стране столетие назад. Специалист по археологии каменного века должен получать в университете знания, необходимые в его профессиональной деятельности — четвертичной геологии, геоморфологии, палеогеографии, биологии. Историю (как всеобщую, так и своей страны), а также родной язык (на уровне норм письменной культуры) он обязан знать, как любой культурный человек, однако новейшая история стран Азии и Африки мало поможет ему в изучении каменного века Арктики (знаю это по своему опыту). Можно возразить, что всегда в университетской программе были курсы по перечисленным выше естественным наукам, читают их и теперь. Это правда, но объем таких курсов был недостаточен еще 25 лет назад, и что-то подсказывает мне, что он вряд ли возрос, а качество преподавания — улучшилось.

На мой взгляд, сохранение преподавания археологии (обучения археологии, по Я. А. Шеру) в рамках обучения общеисторической специальности бессмысленно. Археологии «вообще» научить невозможно, как невозможно обучить геологии, физике, математике «вообще». К этой мысли, похоже, склоняется Я. А. Шер. Таким образом, возрождение археологического образования в России следует понимать как движение «назад в будущее» — к тем идеям обучения этой непростой работе, которые были успешно реализованы в нашей стране в начале XX столетия. Имена специалистов, получивших это образование, до сих пор составляют золотой фонд нашей науки.

Монополия «исторической науки» на обучение археологии должна быть разрушена. Нет никаких возражений против того, чтобы готовить в её рамках специалистов по изучению классических древностей, где требуются фундаментальные знания истории и сопряженных дисциплин. Но следует отдавать себе отчет в том, что 99,99 % времени существования человека приходится на доисторический (дописьменный) период. Для его изучения также требуются фундаментальные знания, но совсем в иных областях, и они должны быть донесены до слушателя в системном виде. Отмечу, что многие из наших зарубежных коллег, занимающихся археологией каменного века, первую степень — бакалавра — получают по четвертичной геологии.

Хотелось бы, безусловно, ошибиться, и дать неверный прогноз относительно судьбы археологического образования в России. Мой прогноз, напомню, отрицательный. Мы все — студенты, преподаватели, исследователи-археологи предоставлены своей собственной судьбе. Уже сейчас очевидно, что нынешние проблемы — как с воспроизводством научных кадров, так и их качеством,

будут только усугубляться. Критической уязвимостью является в нашем случае (российской науки в целом, не только археологии) наличие в научных школах разрыва минимум в одно поколение, что означает нарушение преемственности. Это ведет, в частности, к трансформации этических норм, принятых в научном сообществе, о чем с тревогой пишет Я. А. Шер в заключительном разделе своей статьи.

Для того чтобы что-то изменилось, необходимы системные решения государственного уровня. Нашей стране необходимо законодательство о древностях, включающее в себя отдельный закон об археологическом наследии, необходима структура, занимающаяся их охраной, структура или структуры, занимающиеся их изучением в дополнение к академическим учреждениям. Иными словами, нужна полноценная федеральная археологическая служба. Это большой рынок труда для профессионалов-археологов, и в этом случае необходима продуманная система подготовки кадров, которые могут быть на нём востребованы. Это — необходимое условие для того, чтобы археологическое образование в России не только возродилось, но и существовало в дальнейшем.

Если это случится, я окажусь плохим пророком. Жаль только, жить в эту пору прекрасную...